

П. А. БЫЧКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
polyatomson@gmail.com

СВОЙСТВА ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ КОНСТРУКЦИЙ *ТЫ ЧТО* И *ЧТО ТЫ**

В статье обсуждается проблема описания значения так называемых дискурсивных формул — идиоматических реакций на чужое высказывание в диалоге. Они рассматриваются с точки зрения теории грамматики конструкций и определяются в отдельный класс единиц, имеющий ряд отличительных особенностей. На материале синонимичных конструкций *ты что* и *что ты* разрабатывается структура представления семантики русских дискурсивных формул, куда предлагается включать сведения не только о характере самой реакции, но и о свойствах речевого акта-стимула. При анализе вхождений *ты что* и *что ты* в Национальном корпусе русского языка выделяются пять основных типов употреблений: 1) негативная оценка решения собеседника, 2) вопрос о причине происходящего, 3) прерывание действия или состояния собеседника (запрет на продолжение речевого акта, утешение и уговоры), 4) удивление и 5) отрицание. Этот набор употреблений дает представление о том, какой семантикой могут обладать другие выражения, принадлежащие к классу дискурсивных формул. Количественный анализ показывает, что употребления *ты что* и *что ты* по-разному распределяются между выделенными семантическими классами. Различия в функционировании этих двух формул объясняются в свете их диахронического развития.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, грамматика конструкций, ответные реплики, полисемия, прагматикализация.

1. Введение

В данной работе будет представлено исследование русских выражений *ты что* и *что ты*. Имеются в виду следующие употребления:

- (1) [Саша] А буфет там? [Ульяна] **Что вы**, Саша! Есть перед началом спектакля — дурной тон (Дура, к/ф, 2005).

Ты что и *что ты* относятся к особому типу конструкций (в понимании Грамматики конструкций, см. [Hoffmann, Trousdale 2013; Goldberg 2006;

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. Автор выражает благодарность Е. Л. Шнитке и Е. В. Рахилиной за ценные замечания относительно работы.

2016] и др.), которые мы называем **дискурсивными формулами**, — сложным объектам, представляющим ряд трудностей и для лексикографического описания, и, как мы увидим, для Грамматики конструкций. Выбранные нами формулы близки по внешней форме и значению, но к ним сложно *впрямую* применить те хорошо разработанные (прежде всего в рамках Московской семантической школы — см. [Апресян 1974; 2014] и др.) лингвистические техники, которые применяются к «простым» квазисинонимам. Дело в том, что одним из главных свойств дискурсивных формул является изолированность, а следовательно, отсутствие синтаксического контекста внутри предложения, позволяющего сравнить их употребления. Значимый в их случае контекст, их переменные, находятся вне предложения: это предыдущие реплики других участников диалога, и для различения значений дискурсивных формул сравнивать необходимо их.

Разработка данной темы началась в рамках проекта «Русский конструкткон» — базы данных по русским конструкциям (см. [Janda et al. 2018])¹. При классификации конструкций, попавших в базу, обнаружился подкласс синтаксически изолированных неоднословных дискурсивных реплик — таких реакций на предшествующий дискурс, как *да ну, вот это да, еще бы*, во многих случаях состоящих из служебной лексики. Выбранный для этого класса термин **дискурсивные формулы**, как и общая теоретическая парадигма нашего проекта, восходит к Ч. Филлмору. Незадолго до выхода [Fillmore et al. 1988], положившей начало теории Грамматики конструкций, были опубликованы статьи [Fillmore 1979; 1984], где шла речь о “speech formulas” — лингвоспецифичных фразеологизованных фиксированных выражениях, обладающих прагматической функцией — например *you should talk* (≈ ‘кто бы говорил’)². Можно предполагать, что Грамматика конструкций началась именно с обсуждения дискурсивных формул.

Наряду с оценочной лексикой, дискурсивные формулы (в силу их разговорности и экспрессивности) — очень подвижный пласт языка. Они образуются стяжением часто употребляемых конструкций, в результате изменений, свойственных грамматикализации: десемантизации (с утратой композициональности), расширения контекстов употребления, декатегоризации и иногда фонетической эрозии [Heine, Kuteva 2002: 2]. Однако при-

¹ Круг конструкций, добавляемых в базу, примерно ограничен областью малого синтаксиса — это нестандартные синтаксические конструкции и синтаксические фраземы, см. [Иомдин 2013].

² В российской традиции термин *речевые формулы*, который был бы более близким переводом названия “speech formulas”, используется преимущественно в работах о речевом этикете и вежливости и относится к общепринятым способам приветствия, прощания, извинения, поздравления и пр. Ср., например, [Брагина 2013]. Наш материал как раз исключает такие выражения и содержит только ответы на содержание предыдущего высказывания.

обретения грамматического значения мы здесь не наблюдаем: значения дискурсивных формул не входят в так называемый грамматический набор [Плунгян 1999]. Возникающее значение — не грамматическое, а прагматическое, поэтому в отношении развития дискурсивных формул правильное говорить о **прагматикализации**. Этот термин встречается в работах о близких дискурсивным формулам единицах (см. [Erman, Kotsinas 1993; Aijmer 1997; Onodera 2011]) и означает процесс включения в языковую единицу отношения говорящего к собеседнику.

Говоря о смежных дискурсивным формулам явлениях, необходимо упомянуть, во-первых, так называемые *routines* (см. прежде всего [Coulmas 1981; Aijmer 1996]). Они определяются как институциональные фразы, неотрывно связанные с конкретными ситуациями в данной культуре, и в работах о них, как правило, используется социологический или антропологический подход (иногда под рутинными понимаются целые ритуализированные диалоги, как, например, — *Спасибо* — *Не за что* — ср. [Ameka 1987]). Так, за рутинным выражением всегда стоит социальный сценарий, который вынуждает говорящего его произнести. Этим они отличаются от совместимых с большим количеством контекстов дискурсивных формул.

Во-вторых, существует обширный класс специальных единиц — **дискурсивных** (или прагматических, см. [Fraser 1996]) **маркеров** — отдельных слов или выражений, регулирующих речь, таких как *well, you know, I mean* [Shiffrin 1982]. В отличие от дискурсивных формул, они не могут быть употреблены автономно и вступают во взаимодействие с семантикой пропозиции, задавая презумпции. То же относится к кругу единиц, который рассматривается в исследованиях русских частиц и дискурсивных слов, — см. путеводитель по дискурсивным словам [Баранов и др. 1993; Кобозева 2007] о проблеме их полисемии и [Баранов, Кобозева 1988] об использовании частиц *ну* и *да* в ответных репликах.

Есть исследования, в которых напрямую затрагивается интересующий нас языковой материал. Обратим внимание на работу [Wierzbicka 1985], где предлагается метаязык для описания иллокутивной силы высказываний. В статье отдельно обсуждаются фиксированные некомпозиционные выражения, обладающие прагматическим значением — *how dare you* ('как ты смеешь!') и *go and jump into the lake* ('≈ ага, щас / еще чего', букв. 'пойди прыгни в озеро'). Для них предлагаются толкования, учитывающие не только намерения говорящего, но и его отношение к собеседнику и его действиям.

В работах по русской фразеологии, в частности в [Баранов, Добровольский 2009], в числе других идиом описываются такие, которые представляют собой речевые акты, ср. *так и быть* [Там же: 53], *я вас умоляю* [Там же: 562]. Однако, поскольку в этих случаях они составляют лишь небольшую часть разнородного материала, общий инструментарий описания не всегда позволяет учесть их специфические свойства.

Наконец, на русском материале очень близкий класс языковых выражений — **коммуникативы** выделяет И. А. Шаронов (см. [Шаронов 1997;

2016; 2018] и др.). К коммуникативам относятся любые реплики-реакции на высказывание собеседника (в том числе однословные и междометия)³. В подходе И. А. Шаронова акцент делается скорее на иллокутивном результате, чем на устройстве этих единиц и сопутствующих им несегментных эффектах. Так, объем класса коммуникативов и подход к их описанию отличается от предлагаемого нами.

В рамках нашего проекта о дискурсивных формулах поставлено несколько разных задач, а именно:

- а) классификация формул по значению;
- б) исследование процессов их прагматизации;
- в) описание связанных с ними интонации и жестов (см. [Бычкова и др. 2019]);
- г) соотнесение высказываний-стимулов с типами речевых актов;
- д) составление базы данных;
- е) типологическое исследование, поиск переводов.

В настоящей работе мы остановимся на семантических и прагматических аспектах. Будучи полисемичными, формулы *ты что* и *что ты* хорошо подходят в качестве пилотного материала для решения данных задач: они представляют сразу несколько классов дискурсивных формул. Профилем каждого класса является комбинация типа речевого акта, который представляет собой формула в конкретном значении (с этой точки зрения анализируются коммуникативы в подходе И. А. Шаронова [Мосалева, Шаронов 2017]), и набора возможных речевых актов, которые выступают в качестве ее стимулов (близкая идея лежит в основе описания употребления финских ответных частиц в [Sorjonen 2001]⁴). Анализ будет производиться с опорой на данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и позволит определить структуру семантического описания для будущей базы данных, которая составляется на основе списка русских дискурсивных формул, полученного в работе [Пужаева и др. 2018].

2. Классификация употреблений ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ

Как и другие дискурсивные формулы, *что ты* и *ты что* находятся на периферии словарного описания. Если в лексикографической статье о местоимении *что* упоминается выражение *что ты*, толкование обычно ограничивается перечислением основных его значений, ср. в [Ожегов, Шведова 2003]: «*Что ты (вы)!* — выражение удивления, испуга или возражения».

³ В работе [Колокольцева 2001: 69] в качестве прототипических коммуникативов рассматриваются *да* и *нет*.

⁴ Автор благодарит анонимного рецензента за ссылку на эту работу, которая посвящена несколько другому материалу, но по методологии очень близка нашей.

В [Шаронов 2002] на примере междометий обсуждаются проблемы такого общего описания. Во фразеологических словарях эти значения могут рассматриваться отдельно — в частности, в [Лубенская 1997: 802] у *что ты* выделяются три: удивление или испуг, скептическая реакция на слова собеседника — и несогласие или отрицание. Согласно статье, первому из них свойственно употребление с частицей *да*, а двум другим — с частицей *ну*. Вариант *ты что* при этом не упоминается.

По данным НКРЯ, для обеих дискурсивных формул *ты что* и *что ты* существует вариативность: слово *что* может стоять в форме родительного падежа (*ты чего* и *чего ты*), а в начале могут добавляться частицы *ну* и *да* (*ну что ты!*, *да что ты!*, *да чего ты!* и т. д.). Вместе с тем *ты что* и *что ты* взаимодействуют с двумя этими параметрами по-разному.

Вариант формулы с вопросительным словом в родительном падеже намного более характерен для *ты что/чего*, чем для *что/чего ты* (см. Таблицу 1). Поскольку использование лексемы *что* в форме родительного падежа вместо формы винительного является маркированным разговорным явлением (ср. помету «сниженное» в [Лопатин, Иванова 2012: 819]), данный факт должен говорить о большей маркированности этой формулы.

Таблица 1

Количество вхождений вариантов формул *ты что* и *что ты* в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г. $\chi^2 = 18.943$, $df = 1$, $p\text{-value} = 1.347e-05$

	<i>ты _____</i>	<i>_____ ты</i>
<i>что</i>	339	153
<i>чего</i>	203	38

Что касается сочетаемости с частицами, *ну* значительно чаще встречается со *что ты*, а сочетания с *да* скорее свойственны *ты что* (см. Таблицу 2). Эти частицы помогают в различении значений формулы.

Таблица 2

Количество вхождений формул *ты что* и *что ты* с частицами в НКРЯ с 2000 по 2015 г. $\chi^2 = 54.617$, $df = 2$, $p\text{-value} = 1.381e-12$

	<i>ты что</i>	<i>что ты</i>
да _____	114	20
ну _____	16	34
ø	412	137

Для описания полисемии формул *ты что* и *что ты* мы составили таблицу, где каждое из употреблений, зафиксированных в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г., описывается по модели, схожей с моделью описания речевых формул, предложенной в [Fillmore 1984]. В этой таблице указывался стимул — действие или речевой акт собеседника, реакцией на которые является формула, прагматический контекст — исходная информация о представлениях говорящего и о ситуации диалога, — и функция, которую приобретает формула в этом контексте.

Очевидно, что некоторые типы употреблений имеют между собой больше общего, чем другие, и далее мы предложим их классификацию.

Все употребления выражений *что ты* и *ты что* (пока для простоты мы будем считать их вариантами одной формулы, см., однако, ниже раздел 3, где речь пойдет об их различиях) можно разделить на пять больших классов. Первые три из них включают в себя употребления формулы как реакции на неправильную с точки зрения говорящего ситуацию (возникшую в результате действий или высказывания собеседника). Реакция может быть трех видов:

- а) простое выражение отношения говорящего к ситуации;
- б) вопрос о причине происходящего;
- в) попытка изменить ситуацию — повлиять на собеседника.

Мы перечисляем их в таком порядке по усилению перлокутивности, а не потому, что каждое следующее производно от предыдущего. Наверняка исходным среди этих трех типов употреблений все-таки был вопрос: на это указывает и составляющая *что* внутри формул. Для удобства мы дадим названия каждому виду употреблений: первый (выражение оценки) будет далее называться ‘с ума сошел!’, второй (вопрос) — ‘в чем дело?’ и третий (попытка остановить) — ‘перестань!’.

Два других класса употреблений — удивленная реакция на новость (‘неужели?’) и выражение несогласия с предположением собеседника (‘нет, конечно’).

2.1. Класс ‘с ума сошел!’ (отрицательная оценка)

С т и м у л 1: сообщение собеседника о принятом им решении (в терминах речевых актов — комиссив [Searle 1975]):

- (2) — [девочка-подросток, перед уходом из дома] Мам / я не одену куртку / жарко. — **Да ты что!** Холод собачий! (Домашние разговоры, 1991–2002).

С т и м у л 2: предложение собеседника, обращенное к говорящему.

- (3) — Ой / Волк! Давай лучше мы его съедим. — **Да что ты / что ты / он же такой маленький** (Волк и теленок, м/ф, 1984).

Семантический фон и презумпции участников:

- отрицательная оценка связана с тем, что обсуждаемое действие, по мнению говорящего, должно иметь негативные последствия для собеседника, самого говорящего или некоторого третьего участника событий, ср.:

(4) — Пошли домой! — **Ты что!** Сейчас же поймают, бить будут! (М. Тырин. «Будет немножечко больно», 2014)

- решение собеседника, с точки зрения говорящего, выходит за рамки нормального поведения и противоречит здравому смыслу;
- произнося формулу, говорящий ставит себя в позицию более разумного и здорового человека, чем тот, кому он ее адресует, предполагая, что его точка зрения, в отличие от точки зрения адресата, опирается на некоторые универсальные представления о том, как полагается поступать. Неслучайно формула в этих употреблениях часто дополняется фразами *опомнись*, *с ума сошел* и т. п. — как, например, в (5):

(5) Хоть бы мумий мой пропал тоже. — **Опомнись, ты что?** — удивилась Татьяна ⟨...⟩ (А. Слаповский. Синдром Феникса, 2006).

Семантика:

- ‘говорящий считает, что планируемое собеседником действие неправильно и необдуманно;
- до сих пор говорящий считал, что собеседник и сам это понимает, и удивлен тому, что это не так;
- говорящий призывает собеседника трезво оценить происходящее и перенять его точку зрения’.

Наличие этих компонентов в значении *ты что* и *что ты* можно продемонстрировать, например, сравнив их с квазисинонимичной дискурсивной формулой *ну ты даешь*. Она тоже выражает удивление по поводу действий собеседника и тоже представляет их оценку как выходящих за рамки ожидаемого, однако не может передавать беспокойства за собеседника (потому что в значении формулы не содержится предположения о том, что совершить такое действие может только человек, который находится не в себе) и скорее выражает собственную точку зрения говорящего, без ее соотнесения с общественными нормами, в связи с чем в зависимости от контекста легко меняет характер оценки на положительную.

2.2. Класс ‘в чем дело?’ (вопрос)

С т и м у л 1: действие или сообщение собеседника о принятом решении.

Семантика 1: ‘вопрос о причине происходящего с собеседником; удивление’.

Семантический фон и презумпции: действия или намерения собеседника отличаются от ожиданий говорящего, но представляются ему объяснимыми.

Говорящий при помощи формулы выражает свое удивление, но не дает действиям собеседника отрицательной оценки. Хотя ему неизвестна конкретная причина, по которой собеседник совершает действие, он полагает, что у собеседника могли быть разумные на это основания:

- (6) Уже поздно вечером я заплакала. — **Что ты?** — подошла мама (М. Трауб. Плохая мать, 2010).

С т и м у л 2: повелительное высказывание — команда, просьба. Ср., например, требование остановиться, как в (7).

С е м а н т и к а 2: 'говорящий, произнося формулу, задает вопрос о том, чем обусловлено требование собеседника':

- (7) — Тормози! — прикрикнул Егор. — **Чего ты?** — Паша остановился. — Назад подай! (С. Шаргунов. Чародей, 2008).

С т и м у л 3: вопрос, на который, по представлениям говорящего, собеседник должен был бы и сам знать ответ.

С е м а н т и к а 3: 'говорящий интересуется, почему вопрос был задан':

- (8) — Полетные листы — где? — Какие листы? — искренне удивился Волков. — Как какие? **Ты что?** Первый раз летишь? (М. Ходаренок. Зенитные ракетные страсти, 2001).

С т и м у л 4: самое первое в диалоге обращение к говорящему или просто появление собеседника, в котором читается намерение вступить в контакт.

С е м а н т и к а 4: 'говорящий вступает в контакт и одновременно интересуется, для чего собеседнику понадобилось с ним заговорить':

- (9) — Валька, привет! — Привет-привет! **Ты чего?** — Я тебя ищу (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч, 2004).

2.3. Класс 'перестань!'

Употребления этого класса делятся на три подгруппы: первая больше напоминает класс 'с ума сошел', а вторые две — 'в чем дело?'.

С т и м у л 1: речевой; наиболее частый контекст — собеседник затрагивает некоторую табуированную тему, например заговаривает о собственной смерти, как в (10).

С е м а н т и к а 1: 'говорящему становится дискомфортно; он не хочет, чтобы собеседник продолжал говорить на начатую им тему':

- (10) — Мам, похорони меня в Павловском Посаде. — Ой, **что ты!**.. Что ты говоришь? (Н. Мордюкова. Казачка, 2005).

С т и м у л 2: собеседник демонстрирует, что обижен на говорящего, расстроен или встревожен.

С е м а н т и к а 2: 'утешение; говорящий знает о существовании проблемы, которая вызывает у собеседника негативные чувства. Он хочет, чтобы собеседник почувствовал себя лучше, и считает возможным охарак-

теризовать проблему как недостаточно существенную — прибегает к стратегии девалоризации⁵:

- (11) <...> Ритка получила четверку. Страшна была не четверка, а рыдающая Ритка <...> — Ритк, **ты чего?** — утешал ее Витька. — Перестань (М. Трауб. Не вся la vie, 2008).

Заметим, что произнесение формулы *ты что* или *что ты* в качестве утешения или ободрения неуместно при большом горе или смертельной обиде: в этих случаях неуместна девалоризация. А вот, например, выражения *не плачь*, *не бойся*, *не обижайся* и даже, возможно, *не волнуйся*, которые могут быть реакцией на те же стимулы и тоже произносятся с целью облегчения переживания для собеседника, его причину не обесценивают и поэтому допустимы в «серьезных» контекстах.

С т и м у л 3: собеседник отказывается выполнить просьбу говорящего⁵.

С е м а н т и к а 3: ‘уговоры, попытка представить просьбу незначительной’:

- (12) — Ну пусть он пойдет с нами, а? — [Нет] — **Ну что ты?** А? (Т. Набатникова. День рождения кошки, 2001).

2.4. Класс ‘неужели’ (реакция на новость)

С т и м у л: новость — сообщение о событии или обстоятельствах, о которых, в представлении собеседника, еще неизвестно говорящему.

С е м а н т и к а ф о р м у л ы:

- информация до сих пор была неизвестна говорящему и актуальна для него;
- он не ожидал ее услышать;
- он принял услышанное на веру, сказанное собеседником изменило его представление о ситуации;
- он дает оценку событию — как радостному (13), так и неприятному (14).

- (13) — Он завтра прилетает! — **Да ты что!** — заулыбался Степан <...>. (А. Геласимов. Дом на Озерной, 2009);

- (14) — Живот болит, — буркнула я. — **Да ты что!** — Неподдельный восторг слегка подернулся налетом сочувствия (Г. Рудых. Такой устойчивый мир, 2002).

В случае если в утверждении речь идет о самом собеседнике, при помощи формулы заодно проявляют эмпатию — радость за него или сочувствие.

⁵ В списке русских дискурсивных формул (см. [Пужаева и др. 2018]) встречаются и другие формулы, которые требуют трехчастной структуры диалога, то есть такие, для которых релевантна не только непосредственно предыдущая реплика, но и предшествующая ей (например, формула *А что тут такого!* может быть только ответом на удивление собеседника собственному высказыванию говорящего).

2.5. Класс 'нет, конечно' (отрицание)

С т и м у л 1: оценочное суждение, мнение относительно некоторого вопроса.

С е м а н т и к а 1: 'несогласие с собеседником' (далее говорящий обязательно высказывает свою альтернативную позицию):

- (15) Я без ума от Евгения Миронова! <...> — Юрий Яковлев был лучше <...> — **Да ты что!** <...> Женечка — гений <...>! (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда», 2004).

Говорящий дискредитирует высказывание собеседника, дает понять, что он лучше осведомлен в вопросе (эта семантика пересекается с употреблением класса 'с ума сошел'). Сохраняется общий для всех классов компонент нарушения ожидания: говорящий удивлен, что точка зрения собеседника отличается от его собственной (= правильной). Это усиливает его высказывание и объясняет возможность употребления формулы совместно со стандартным показателем отрицания *нет*.

С т и м у л 2: общий вопрос или высказанное в утвердительной форме предположение о некотором положении дел; подозрение.

С е м а н т и к а 2: 'отрицательный ответ на вопрос, опровержение предположения' (возможно изолированное употребление):

- (16) [Люба] Вы учились играть на аккордеоне? [Полетаев] **Ну что вы.** Я слухач-самоучка (П. Тодоровский. Анкор, еще анкор, к/ф, 1992);
(17) [Доктор Симпсон] Он слеп? [Один из горожан] **Ну что вы** / сэр / декан прекрасно видит. Но часто видит всё наоборот (Марк Захаров и др. Дом, который построил Свифт, к/ф, 1982).

С е м а н т и к а 2': 'утвердительный ответ на вопрос; отрицание распространяется на содержащуюся внутри вопроса презумпцию — предположение, что возможны разные варианты ответа':

- (18) — Ну а что он вообще — мужчина-то настоящий? — **Что ты!** Обеспечен прекрасно! (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008).

С т и м у л 3: совет, высказывание с директивным компонентом.

С е м а н т и к а 3: 'отказ следовать совету, указание на очевидную, с точки зрения говорящего, невозможность или бессмысленность осуществления предложенного':

- (19) — А ты его отдай в спортивную секцию, — посоветовала Екатерина Андреевна. — **Да ты что?** От спорта мозги атрофируются (М. Трауб. Нам выходить на следующей, 2011).

С т и м у л 4: предложение угощения или помощи («комиссивный» директив — от адресата речевого акта требуется только санкциони-

ровать действие говорящего, бенефициантом которого будет являться он сам).

Семантика 4: 'отказ из соображений вежливости':

- (20) [Учительница] Угощайтесь / девочки! [Марина] **Ну что вы...** [Девочка1] **Ну что вы** / Маргарита Ивановна! (Р. Быков, В. Железников. Чучело, к/ф, 1983);
- (21) — Помоги гостю, Наташа, — голос старухи стал низким и властным. — Я сам, спасибо, **что вы!** (Н. Катерли. Все что угодно, 1981).

Стимул 5: Извинение (22), комплимент (23)–(24).

Семантика 5: 'девальоризация ситуации, послужившей поводом для речевого акта собеседника; девальоризация самого речевого акта собеседника'.

- (22) [Майор] Спасибо / товарищи / извините. Вы свободны. [Понятой] **Ну что вы / что вы** / да сколько угодно (В. Сергеев, И. Агеев. Генный, к/ф, 1991);
- (23) [Мать Леонидия] Хорошеешь! [Анастасия] **Ну что вы!** (С. Дружинина и др. Гардемарины, вперед!, к/ф, 1987);
- (24) [Хоботов] Вы... вы прекрасно кололи. [Людочка] **Ну что вы.** [Хоботов] Вы знаете / я ничего не почувствовал (М. Козаков, Л. Зорин. Покровские ворота, к/ф, 1982).

Обобщенные сведения о выделенных типах употребления формул *ты что* и *что ты* представлены в Таблице 3.

Несмотря на то что при описании возможных значений *ты что* и *что ты* мы разделили их на группы, нужно понимать, что все они близко связаны и выводятся из вопросительной семантики.

То, что обе эти формулы развивают перечисленные значения, на самом деле не удивительно. Если мы возьмем любой другой специальный вопрос, например *куда ты идешь?*, мы обнаружим у него похожий риторический потенциал: он может быть невинным вопросом о том, куда направляется собеседник, выражением недовольства без вопросительной прагматики ('с ума сошел'), а может выражать намерение остановить собеседника ('перестань')⁶. Образование новых значений формул происходит при изменении контекста — и здесь, конечно, играет роль их дискурсивность, автономность и связь с прагматикой.

⁶ Эквиваленты переходам, произошедшим в двух оставшихся классах употреблений *ты что* и *что ты*, — удивлению и отрицанию — найти уже сложнее. По всей видимости, в них все-таки сохраняется составляющая речи — 'что ты говоришь'. Это коррелирует и с тем обстоятельством, что стимулом для произнесения формул в этих двух классах, в отличие от 'с ума сошел', 'что с тобой?' и 'перестань', может быть только речевой акт, но не ситуация.

Таблица 3

Типы употребления формул *ты что* и *что ты*

Класс употребления	Тег	Стимул	Пример
осуждение	‘с ума сошел’	сообщение о решении (комиссив)	— <i>Ты что!</i> — закричала в ответ Нина Михайловна <...> — <i>Ты как с матерью разговариваешь, скотина!</i> («Новый мир», 2001)
вопрос	‘в чем дело’	сообщение о решении, команда, вопрос (появление собеседника, обращение к говорящему)	— <i>Здравствуй и ты,</i> — глухо произнес Мэбэт и сел напротив. — <i>Чего ты?</i> — <i>обиженно, но все же радостно</i> сказал Езанга («Новый мир», 2011)
уговоры	‘перестань’	плач, обида или отказ выполнить действие	— <i>Давай / распаковывай чемодан! Всё!</i> — <i>Ну ладно / Вася чё ты? Ну чё ты / ну на кой чёрт он те / галстук-то?</i> (Любовь и голуби, к/ф, 1984)
удивление	‘неужели’	новость	— <i>А / Алёнку переманили в Инглиш-фёрст <...> — Да ты что!</i> (Телефонный разговор с однокурсницей, 2015)
несогласие	‘нет, конечно’	оценочное суждение, предположение, совет, предложение услуги, комплимент или извинение	— <i>Я думал... что... я один такой. — Что ты. Нас много</i> (Ночной продавец, к/ф, 2004)

3. Различия в употреблении **ТЫ ЧТО** и **ЧТО ТЫ**

В исследованном материале и *ты что*, и *что ты* встретились во всех описанных типах контекстов⁷. Однако формулы распределены по этим контекстам неравномерно, и одни контексты значительно больше свойственны *ты что*, а другие — *что ты*. Употребление формулы в менее характерном для нее контексте сопровождается более маркированной интонацией.

В размеченной нами выборке, состоящей из 725 примеров в основном корпусе НКРЯ за 2000–2015 гг., 537 были вхождениями дискурсивной формулы *ты что* (сюда же относятся *ты чего* и все их комбинации с час-

⁷ Нашей исходной гипотезой было, что в определенных контекстах исключено употребление одной из формул. Однако анализ корпуса показал обратное. Ср., например, формулу *что ты* в на первый взгляд несвойственном ей вопросительном значении: [Вера <разговаривает по телефону>] У вас всё в порядке? Хорошо. Да. Конечно / звоните. <приходит Витя, Вера обращается к нему> **Что ты?** [Витя] Mam / можно я Сименона возьму? [Вера] Возьми (В. Аристов, Д. Асанова. Жена ушла, к/ф, 1979).

тицами *ну* и *да*), а 188 — *что ты* (и таких же ее вариаций). Результаты разметки можно увидеть в Таблице 4. При статистической проверке распределения мы следуем методу, который подробно описан в [Janda, Lyashevskaya 2013]. Те полученные из выборки числовые значения, которые значимо превосходят ожидаемые, в таблице выделены полужирным шрифтом.

Таблица 4

Типы употреблений, притягивающиеся конструкциями *ты что* и *что ты*

Значение формулы	N вхождений в выборке		Ожидаемое значение		Критерий Фишера	
	<i>ты что</i>	<i>что ты</i>	<i>ты что</i>	<i>что ты</i>	p-value ⁸	95 % доверительный интервал
‘с ума сошел’	[+] 150	5	115	40	2.516e-16	5.7 — 44.7
‘нет, конечно’	71	[+] 97	124	43	< 2.2e-16	4.8 — 10.7
‘в чем дело?’	[+] 208	30	177	61	4.631e-09	2.1 — 5.3
‘перестань’	49	[+] 45	70	24	8.453e-07	2 — 5
‘неужели’	[+] 55	8	47	16	0.01495	1.2 — 6.3
Всего:	537	188	537	188		

Согласно подсчетам, формула *ты что* сильнее всего притягивает употребления в значении ‘с ума сошел’. Также для этой конструкции несколько более, чем для *что ты*, характерны употребления, относящиеся к типу ‘в чем дело?’ и ‘неужели’.

Конструкция *что ты* притягивает употребления в значении ‘нет, конечно’ — количество вхождений превышает ожидаемое значение более чем в два раза, и вероятность случайности такого распределения очень низка. Значение ‘перестань’ также больше свойственно конструкции *что ты* — за счет употреблений, где эта формула используется в качестве утешения.

Более наглядно различия показаны на рисунке 1: например, процент употреблений *что ты* в качестве отрицания от общего числа вхождений *что ты* значительно выше, чем соответствующий показатель у *ты что*.

Итак, для *ты что* характернее всего самый экспрессивный класс употреблений — ‘с ума сошел’, а для *что ты* — более оценочно нейтральные классы отрицания, утешений и уговоров. Это отображает разницу в природе двух дискурсивных формул: в принципе, даже в одном и том же классе употребления *ты что* имеет более агрессивный и грубый оттенок, чем *что ты*. Мы считаем, что причина расхождения лежит в истории развития этих дискурсивных формул.

⁸Вероятность, что соотношение между полученным значением и ожидаемым могло бы быть таким же, если бы закономерности между вариантом конструкции и семантическим классом употреблений не существовало. Низкое p-value свидетельствует о статистической значимости, то есть неслучайности распределения.

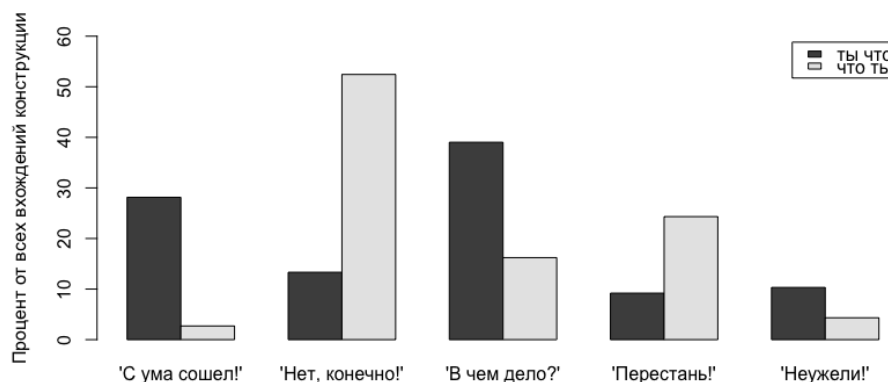

Рис. 1. Сравнение распределения вхождений *ты что* и *что ты* по семантическим классам

4. История формирования ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ как дискурсивных формул

4.1. Время появления дискурсивных формул ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ

Формулы *что ты* и *ты что* появились в языке не одновременно. Формула *что ты* начинает встречаться в текстах с середины XVIII в. Первые ее вхождения найдены в пьесах А. П. Сумарокова 1750-го г. — самых ранних драматургических произведениях НКРЯ:

- (25) **Что ты**, мать моя, не с ума ли сошла? (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750).

Передача устной речи нечасто встречается в других жанрах текстов того времени, и формула могла существовать в разговорном употреблении значительно раньше.

Первое вхождение формулы *ты что* (26), на первый взгляд очень похожее на (25), относится к тексту 1817-го г.

- (26) Ты, душенька, <...> поступай по-нашему просто, <...> а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. (Жене) **Ты что**, моя душа! не сердись? (А. С. Грибоедов. Студент, 1817).

Далее, в середине XIX в., для обеих формул появляются варианты с формой *чего* вместо *что*:

- (27) Вставай... **Да чего ты?** о чем плачешь-то? (Д. В. Григорович. Переселенцы, 1855–1856);
 (28) **Ты чего?** — закричал он дрожавшему от страха Гавриле, вошедшему в комнату (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели, 1859).

И *что ты*, и *ты что* произошли от обычных вопросительных конструкций — *что ты VP?* и *ты что VP?*. Произошедшая редукция глагольной группы объясняется избыточностью обозначения действия собеседника: это тот же эффект, что, например, в вопросе *куда ты* [идешь]?

Несмотря на сходство конструкции *что ты VP?* и *ты что VP?*, мы считаем, что производные от них формулы сначала существовали как разные и до сих пор сохраняют некоторые семантические доминанты, которые позволяют их различить даже в одинаковых контекстах.

4.2. Путь развития дискурсивной формулы ЧТО ТЫ

Исторически дискурсивная формула *что ты* — это простой вопрос. Ее каноническая семантика представлена примерами из числа самых первых вхождений *что ты* в корпусе:

- (29) Федька (вбегает). Ох! прости, господи! какая тяжелая рука! Звёздова. **Что ты?** Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось (А. С. Грибоедов. Студент, 1817).

Классические вопросительные предложения имеют характерный сдвиг в сторону риторического вопроса. Первое риторическое значение формулы *что ты*, которое мы встречаем в корпусе, — это негодование, обращенное на собеседника, негативная оценка:

- (30) Дюфиза. <...> стыдно показать, написано не на синей и на красной бумаге, на белой. Деламида. **Что ты, мать моя, не с ума ли сошла?** Уж по белой бумаге писать стала (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750).

В первой половине XIX в. у *что ты* возникает целый кластер риторических значений — отрицательное (31), удивление (32) и прохибитив (33).

- (31) — Пехотинец? — **И! Что ты?** верно, кавалерист (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830);
 (32) <...> Дементий <...> тотчас [сказал] что искомый офицер есть его барин. — Как так? **Что ты?** Врешь! Неужто? (М. П. Погодин. Невеста на ярмарке, 1827–1832);
 (33) Младший намеревался было обратиться в бегство, но старший вскричал: — **Что ты?** чего испугался? (В. Т. Нарежный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам, 1825).

Установить очередность их появления затруднительно, поскольку корпус фиксирует только небольшое число употреблений *что ты* — за весь период с ее первого вхождения в корпус до 1825-го г. найдено меньше тридцати примеров.

4.3. Путь развития дискурсивной формулы *ТЫ ЧТО*

Возникновение формулы *ты что* происходит в результате инверсии личного местоимения по отношению к вопросительному слову в исходной конструкции *что ты VP?*.

В начале существования формулы инверсия связана со смещением фокуса. Так, характерным историческим употреблением является переключение внимания на собеседника. Например, это происходит в случае, когда собеседник спрашивает говорящего о том, как он поживает, а говорящий в ответ спрашивает собеседника о его жизни. В таких контекстах очевидно наличие противопоставления, и оно часто маркируется противительными частицами *а* и *да*. Ср. также близкий недиалоговый контекст — в нем происходит переключение с некоторых других референтов на собеседника:

- (34) Элиза готовится к смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе. **Ты что?** Вышелъ-ли Фон-Визинъ изъ Ценсуры и поступилъ-ли въпечатъ (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 1831.07.03).

Именно переключение референтов и противопоставление им собеседника проявляется в самом первом вхождении дискурсивной формулы *ты что* в НКРЯ 1817-го г. (26), где говорящий по очереди обращается к нескольким людям и, обращаясь к последнему, произносит формулу. В таких примерах *ты* — ударное, а местоимение *что*, вопреки обыкновению, выступает в роли клитики. Такое *ты что?* эквивалентно *а ты что?* — акцент выделяет первое слово точно так же, как его выделяет сочетание с *а* или *да*.

Как мы видим, первое значение — обращение к собеседнику, переключение на него внимания. Появление употреблений *ты что* в качестве вопроса о причине действия и без заметной семантики противопоставления происходит позже — во второй половине XIX в., см. первое вхождение:

- (35) Савва посидит-посидит и вдруг, без всякой видимой причины, пересядет на другое место. — **Ты чего?** (...) Чего ты не посидишь толком, Савва? (Н. Н. Златовратский. Крестьяне-присяжные, 1874).

В ранних вхождениях формулы есть еще один характерный контекст, в котором не говорящий обращается по очереди к разным людям, а наоборот: у него есть несколько потенциальных собеседников, например посетителей, и он выясняет, что нужно каждому из них:

- (36) Так выпроводил великий князь всех своих дельцов-домочадцев, кроме дворецкого. Русалка остался и умиленно посмотрел на великого князя, как бы хотел доложить ему, что имеет надобность нечто сказать. — **Ты что?** — спросил Иван Васильевич (И. И. Лажечников. Басурман, 1838).

В этой ситуации естественно, чтобы такой вопрос со стороны говорящего выражал не только намерение узнать о том, что у собеседника к нему

за дело, но и — риторически — раздражение на него из-за очередного обращения.

Сдвиг вопроса в риторическую зону может провоцировать появление не одного значения, а кластера значений, как это произошло со *что ты*. Однако у *ты что* был особый, собственный порядок возникновения этих риторических употреблений. Мы считаем, что это обусловлено противительной семантикой, которая изначально стимулировала инверсию.

Развитие «раздраженного» употребления (выражения негативной оценки) происходит у *ты что*, как и у *что ты*, первым:

- (37) **Ты что?** аи, вздумал бунтовать против начальников? (М. Н. Загоскин. Брынский лес, 1846).

Употребления формулы *ты что* в качестве отрицания и реакции на новость (причем для реакции на новость — только в сочетании с частицей *да*)⁹ развиваются значительно позже, чем у *что ты*. До середины XX в. в нашей выборке встречались лишь единичные примеры, что соотносится с тем, как в этот период изменилось соотношение частотности обеих формул — см. рис. 2.

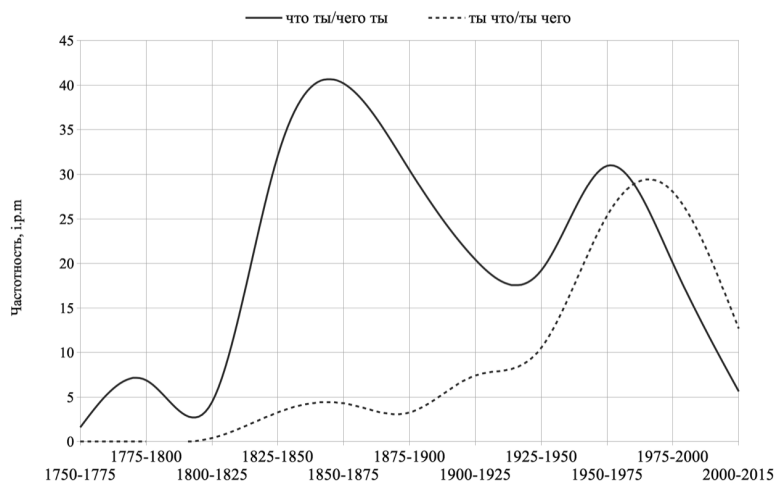

Рис. 2. Изменение частотности *ты что* и *что ты*

Очевидно, что позднее появление двух значений *ты что* произошло под влиянием уже имеющейся семантики у *что ты*, в результате смешения этих двух формул, которое оказалось возможно из-за совпавшего у них значения выражения негативной оценки (употреблений класса ‘с ума сошел’)¹⁰.

⁹ Частицы *да* и *ну* помогают поддерживать распределение обеих дискурсивных формул по контекстам.

¹⁰ Одного формального сходства для такого сближения было бы недостаточно, ср. *да ну* и *ну да*.

Поскольку *ты что*, в отличие от *что ты*, — исходно вторая реплика, реакция на то, что собеседник вступает в коммуникацию, она все еще содержит отпечаток противительности. То, что говорящий произносит высказывание, вызвано обстоятельствами; у него нет исходной цели выяснить что-то у собеседника. А для *что ты* первична семантика обычного вопроса, который, в отличие от вопроса-реакции, является инициативой спрашивающего. Поэтому даже если рассмотреть употребления в одном и том же значении, где формула выражает негативную оценку, *ты что* будет более маркированным, чем *что ты*, и поэтому, как было показано в предыдущем разделе, формула *что ты* больше характерна для выражения сочувствия, а *ты что* — для демонстрации раздражения. Кстати, *что ты* чаще встречается с вопросительным знаком, а *ты что* — с восклицательным, см. рис. 3.

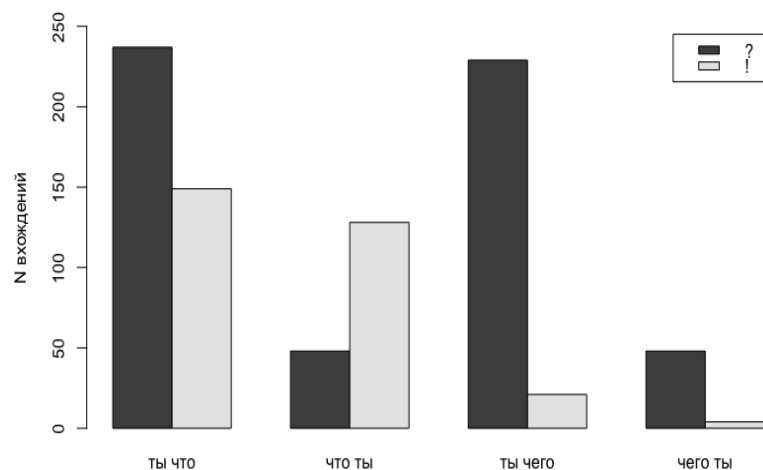

Рис. 3. Количество вхождений конструкций с восклицательным и вопросительным знаками в основном корпусе НКРЯ с 2000 по 2015 г.

5. Заключение и перспективы работы

В статье были проанализированы конструкции *ты что* и *что ты* как примеры класса дискурсивных формул. Показано, что исторически они восходят к вопросительным предложениям, которые подверглись прагматизации. Подробно рассмотрены употребления *ты что* и *что ты*, релевантные для современного русского языка, и предложена их классификация на основе типов речевых актов, представленных в предшествующих репликах.

Представленное описание *ты что* и *что ты* уже используется в качестве прототипа в создаваемой нами базе данных дискурсивных формул.

Важнейшая характеристика дискурсивных формул, которой невозможно было уделить должного внимания в тексте данной статьи, — лингво-специфичность. В рамках нашего проекта уже запущено исследование дискурсивных формул с применением лексико-типологического подхода [Рахилина, Резникова 2013]. Оно позволит глубже понять классификацию употреблений дискурсивных формул внутри одного языка и увидеть неочевидные семантические связи между ними, а полученные результаты можно будет использовать на практике — при переводе и преподавании иностранного языка.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян 2014 — Активный словарь русского языка. Т. 1–2 / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Баранов и др. 1993 — А. Н. Б а р а н о в, В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.

Баранов, Добровольский 2009 — Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009.

Баранов, Кобозева 1988 — А. Н. Б а р а н о в, И. М. К о б о з е в а. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 45–69.

Брагина 2013 — Н. Г. Б р а г и н а. Невежливость как ритуал (речевые формулы антикоммуникативного поведения) // Ритуал в языке и коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 45–55.

Бычкова и др. 2019 — П. А. Б ы ч к о в а, Е. В. Р а х и л и н а, Е. А. С л е п а к. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки, 2019. С. 257–284.

Иомдин 2013 — Л. Л. И о м д и н. Некоторые микросинтаксические конструкции в русском языке с участием слова *что* в качестве составного элемента // Лужнословенски филолог. 2013. Т. 69. С. 137–147.

Кобозева 2007 — И. М. К о б о з е в а. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250–255.

Колокольцева 2001 — Т. Н. К о л о к о л ь ц е в а. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Перемена, 2001.

Лопатин, Иванова 2012 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Лубенская 1997 — С. И. Л у б е н с к а я. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.

Мосалева, Шаронов 2017 — С. В. Мосалева, И. А. Шаронов. Особенности употребления коммуникативов группы подтверждения и согласия // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 11 (32). С. 46–56.

Ожегов, Шведова 2003 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

Плунгян 1999 — В. А. Плунгян. О понятии универсального грамматического набора // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 1991. С. 151–153.

Пужаева и др. 2018 — С. Ю. Пужаева, Е. А. Герасименко, Е. С. Захарова, Е. В. Рахилина. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2. С. 5–18.

Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. Т. 2. С. 3–31.

Шаронов 1997 — И. А. Шаронов. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1997. № 2. С. 89–111.

Шаронов 2002 — И. А. Шаронов. Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия (The Interpretation of Emotive Interjections as Signs of Perception) // Russian Linguistics. 2002. Т. 26. № 2. С. 235–254.

Шаронов 2016 — И. А. Шаронов. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 605–615.

Шаронов 2018 — И. А. Шаронов. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. № 51. С. 58–68.

Aijmer 1996 — K. Aijmer. Conversational Routines in English: Convention and Creativity. London: Longman, 1996.

Aijmer 1997 — K. Aijmer. I think — an English modal particle // Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 99 (1). P. 1–47.

Ameka 1987 — F. Ameka. A comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe // Journal of Pragmatics. 1987. 11 (3). P. 299–326.

Austin 1975 — J. L. Austin. How to do things with words. Oxford: Oxford university press, 1975.

Coulmas 1981 — F. Coulmas (ed.). Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton, 1981.

Croft 1994 — W. Croft. Speech act classification, language typology and cognition // S. L. Tsohatzidis (ed.). Foundations of Speech Act Theory: Philosophical and Linguistic Perspectives. London: Routledge, 1994. P. 460–477.

Erman, Kotsinas 1993. — B. Erman, U. B. Kotsinas. Pragmaticalization: the case of ba'and you know // Studier i modern språkvetenskap, 1993. 10. P. 76–93.

Fillmore 1979 — C. J. Fillmore. On fluency // C. Fillmore, D. Kernfeler, William Wang (eds.). Individual differences in language ability and language behavior. New York: Academic Press, 1979. P. 85–101.

Fillmore 1984 — C. J. Fillmore. Remarks on contrastive pragmatics // J. Fisiak (ed.). Contrastive linguistics: Prospects and problems. Berlin: Walter De Gruyter, 1984. P. 119–142.

- Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language*. 64 (3). P. 501–538.
- Fraser 1996 — B. Fraser. Pragmatic markers // *Pragmatics*. 1996. 6. P. 167–190.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Goldberg 2016 — A. E. Goldberg. Partial productivity of linguistic constructions: Dynamic categorization and statistical preemption // *Language and cognition*. 2016. 8 (3). P. 369–390.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — T. Hoffmann, G. Trousdale (eds.). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Janda, Lyashevskaya 2013 — L. Janda, O. Lyashevskaya. Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: Po-, s-, za-, na-, pro- // *Journal of Slavic Linguistics*. 2013. 21 (2). P. 211–258.
- Janda et al. 2018 — L. Janda, O. Lyashevskaya, T. Nessel, F. M. Tyers. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps // B. Lyngfelt, T. T. Torrent, L. Borin, K. H. Ohara (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*, 2018. P. 165–182.
- Onodera 2011 — N. O. Onodera. The grammaticalization of discourse markers // H. Narrog, B. Heine (eds.). *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Searle 1975 — J. R. Searle. *Indirect Speech Acts* // P. Cole, J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics III: Speech Acts*. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 59–82.
- Shiffrin 1982 — D. Shiffrin. *Discourse markers: semantic resource for the construction of conversation*. PhD Philosophy. Philadelphia, 1982.
- Sorjonen 2001 — M. L. Sorjonen. *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2001.
- Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. A Semantic Metalanguage for a Cross-cultural Comparison of Speech Acts & Speech Genres // *Language in Society*. 1980. 14. P. 491–519.

Статья получена 28.08.2019

Polina A. Bychkova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
polyatomson@gmail.com

FEATURES OF DISCOURSE FORMULAE: A CASE STUDY OF RUSSIAN *TY ČTO* AND *ČTO TY*

The paper discusses the semantic description of the so-called discourse formulae, idiomatic expressions used as the speaker's reactions in a dialogue. They are considered in the framework of construction grammar, as a peripheral class of constructions with its specific properties. A case study of two synonymous Russian discourse formulae *ty čto* and *čto ty* provides an account of the components that need to be represented in the description of the con-

structions that belong to this class: namely, the characteristics of the speech act to which the discourse formula reacts and the characteristics of the reaction itself. The analysis of entries of the two constructions in the Russian National Corpus reveals that the range of meanings that can be expressed by them includes: 1) negative assessment of the interlocutor's decision; 2) questioning the cause of the ongoing situation; 3) interrupting the interlocutor's action (speech act) or state of mind (i.e., consolation and reasoning); 4) surprise, and 5) negation. These results give an estimate of the set of meanings that may be attributed to other discourse formulae. A quantitative corpus analysis of the use of these two constructions is also conducted, showing that their distribution between the defined types of the given contexts is not identical: in particular, *čto ty* tends to express negation and is rarely used to express negative assessment. These differences are discussed in the light of the diachronic change of *ty čto* and *čto ty*, suggesting different patterns of their pragmaticalization.

Keywords: discourse formulae, construction grammar, dialogical replies, polysemy, pragmaticalization

References

- Aijmer, K. (1996). *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London: Longman.
- Aijmer, K. (1997). I think — an English modal particle. *Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives*, 99(1), 1–47.
- Ameka, F. (1987). A comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, 11(3), 299–326.
- Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Nauka.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Austin, J. L. (1975). *How to do things with words*. Oxford: Oxford university press.
- Baranov, A. N., & Dobrovolskii, D. O. (2009). *Frazeologicheskii ob"iasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Eksmo.
- Baranov, A. N., & Kobozeva, I. M. (1988). Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Pragmatika i problemy intensional'nosti* (pp. 45–69). Moscow: INION AN SSSR.
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. Moscow: Pomovskii i partnery.
- Bragina, N. G. (2013). Nevezhlivost' kak ritual (rechevye formuly antikommunikativnogo povedeniia). In L. L. Fedorova (Ed.), *Ritual v yazyke i kommunikatsii* (pp. 45–55). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Bychkova, P. A., Rakhilina, E. V., & Slepak, E. A. (2019). Diskursivnye formuly, polisemiia i zhestovoe markirovanie. In V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, & S. O. Savchuk (Eds.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: issledovaniia i razrabotki* (pp. 257–284). Moscow: IRIA RAN.
- Coulmas, F. (Ed.). (1981). *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague: Mouton.
- Croft, W. (1994). Speech act classification, language typology and cognition. In S. L. Tsohatzidis (Ed.), *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives* (pp. 460–477). London: Routledge.

- Erman, B., & Kotsinas, U. B. (1993). Pragmaticalization: the case of *ba* and *you* know. *Studier i modern språkvetenskap*, 10, 76–93.
- Fillmore, C. J. (1979). On fluency. In C. Fillmore, D. Kernfeler, & W. Wang (Eds.), *Individual differences in language ability and language behavior* (pp. 85–101). New York: Academic Press.
- Fillmore, C. J. (1984). Remarks on contrastive pragmatics. In J. Fisiak (Ed.), *Contrastive linguistics: Prospects and problems* (pp. 119–142). Berlin: Walter De Gruyter.
- Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 64(3), 501–538.
- Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6, 167–190.
- Goldberg, A. E. (2006). *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldberg, A. E. (2016). Partial productivity of linguistic constructions: Dynamic categorization and statistical preemption. *Language and cognition*, 8(3), 369–390.
- Heine, B., & Kuteva, T. (2002). *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffmann, T., & Trousdale, G. (Eds.). (2013). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Iomdin, L. L. (2013). Nekotorye mikrosintaksicheskie konstruktii v russkom yazyke s uchastiem slova *chto* v kachestve sostavnogo elementa. *Juzhnoslovenski filolog*, 69, 137–147.
- Janda, L., & Lyashevskaya, O. (2013). Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: *Po-*, *s-*, *za-*, *na-*, *pro-*. *Journal of Slavic Linguistics*, 21(2), 211–258.
- Janda, L., Lyashevskaya, O., Nessel, T., & Tyers, F. M. (2018). A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps. In B. Lyngfelt, T. T. Torrent, L. Borin, & K. H. Ohara (Eds.), *Constructicography: Constructicon development across languages* (pp. 165–182). Amsterdam: John Benjamins.
- Kobozeva, I. M. (2007). Polisemiia diskursivnykh slov i vozmozhnosti ee razresheniia v kontekste predlozheniia (na primere slova *vot*). In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»* (pp. 250–255). Moscow: Izd-vo RGGU.
- Kolokoltseva, T. N. (2001). *Spetsificheskie kommunikativnye edinytsy dialogicheskoi rechi*. Volgograd: Peremena.
- Lopatin, V. V., & Ivanova, O. E. (Eds.). (2013). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* (4th ed.). Moscow: AST-Press Kniga.
- Lubenskaya, S. I. (1997). *Russko-angliiskii frazeologicheskii slovar'*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Mosaleva, S. V., & Sharonov, I. A. (2017). Osobennosti upotrebleniia kommunikativov gruppy podtverzheniia i soglasii. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 11, 46–56.
- Onodera, N. O. (2011). The grammaticalization of discourse markers. In H. Narrog, & B. Heine (Eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (pp. 450–461). Oxford: Oxford University Press.
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (Eds.). (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik.
- Plungyan, V. A. (1991). O poniatii universal'nogo grammaticheskogo nabora. In A. B. Kopeliovich (Ed.), *Grammaticheskie kategorii i edinytsy: sintagmaticheskii aspekt* (pp. 151–153). Vladimir: VGPU.

Puzhaeva, S. Yu., Gerasimenko, E. A., Zakharova, E. S., & Rakhilina, E. V. (2018). Avtomaticheskoe izvlechenie diskursivnykh formul iz tekstov na russkom yazyke. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 16(2), 5–18.

Rakhilina, E. V., & Reznikova, T. I. (2013). Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. *Voprosy yazykoznanii*, 2, 3–31.

Searle, J. R. (1975). Indirect speech acts. In P. Cole, & J. L. Morgan (Eds.). *Syntax and semantics III: Speech acts* (pp. 59–82). New York: Academic Press.

Sharonov, I. A. (1997). Kommunikativy kak funktsional'nyi klass i kak ob"ekt leksikograficheskogo opisaniia. *Rusistika segodnia*, 2, 89–111.

Sharonov, I. A. (2002). Tolkovanie emotsional'nykh mezhdometii kak znakov vospriiatiiia. *Russian Linguistics*, 26(2), 235–254.

Sharonov, I. A. (2016). Diskursivnye slova i kommunikativy. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 605–615). Moscow: Izd-vo RGGU.

Sharonov, I. A. (2018). Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty opisaniia vvodnykh slov i kommunikativov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*, 51, 58–68.

Shiffrin, D. (1982). *Discourse markers: semantic resource for the construction of conversation* (Doctoral dissertation) University of Pennsylvania, Philadelphia.

Sorjonen, M. L. (2001). *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Wierzbicka, A. (1980). A semantic metalanguage for a cross-cultural comparison of speech acts and speech genres. *Language in society*, 14(4), 491–519.

Received on August 28, 2019